

РЕЦЕНЗИЯ

профессора, доктора филологических наук Дечки Дечевой Чавдаровой

Диссертационного труда на соискание ученой степени „доктора наук“

по: области высшего образования: Филология

профессиональное направление: „русская литература“

Автор: доц. д-р Николай Михайлов Нейчев.

Тема: Проблема времени в *Пятикнижии* Достоевского (Хронос. Кайрос. Вечность.).

1. Предмет рецензирования

На основе приказа № РД-21-59 от 16.01.2023 г. Ректора Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского (ПУ) я утверждена членом научного жури для осуществления процедуры защиты диссертационного труда на тему „Проблема времени в *Пятикнижии* Достоевского (Хронос. Кайрос. Вечность.)“ на соискание ученой степени доктора наук в области высшего образования Филология, профессиональное направление „русская литература“. Автором диссертационного труда является доц. д-р Николай Михайлов Нейчев, член кафедры русской литературы Филологического факультета Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского.

Представленные соискателем бумажные копии материалов соответствуют чл.45 (4) Устава о развитии академического состава ПУ.

Кандидат представил 5 студий и диссертационный труд в объеме 693 страниц.

Заметки и комментарии к документам (нет).

2. Короткие биографические данные

Н. Нейчев защитил докторскую диссертацию (в русской системе „кандидата наук“) в 1998 г. на тему „Влияние догмато-мистической ортодоксии на позднее творчество Достоевского“. Научное звание доцента получил в 2003 г. на основе хабилитационного труда на тему „Литература и месианизм (Идеи русского мессианизма в русской литературе 19 века)“. С 2000 года он преподает русскую литературу в ПУ „Паисий Хилендарски“ на разных отделениях Филологического факультета, руководит дипломантами и аспирантами. Основным объектом его научных интересов является творчество Достоевского, а в более широком плане – религиозная идея (в ее православном аспекте) в русской литературе.

3. Актуальность тематики и целесообразность поставленных целей и задач

Труд Н. Нейчева созвучен с самыми актуальными тенденциями в литературоведении и в науке о Достоевском: прочтение его творчества с точки зрения православных концептов, которые писатель не только воплощает в художественных образах, но и утверждает их в русской ментальности. Для раскрытия художественной концепции писателя автор выбирает объектом своего анализа один из самых важных и актуальных проблем науки: проблему времени, занимающую философов, теологов, физиков, филологов. Для постижения поставленной цели закономерно вписывание концепции Достоевского о времени в широкий научный контекст (философских и физических идей), прослеживание образов Хроноса, Кайроса и Вечности в философских романах Достоевского.

3. Познания в сфере проблематики труда

Соискатель обладает глубокими познаниями проблемы, которую анализирует. Сильное впечатление производит его эрудиция не только в сфере литературоведения, но и в сферах философии, физики, теологии, лингвистики. Он относится с уважением, но и критично к исследовательской традиции.

5. Методика исследования

С точки зрения методологии труд Н. Нейчева характеризуется интердисциплинарностью: он умело и талантливо применяет в исследовании творчества Достоевского философские, религиозные, лингвистические идеи, как и идеи точных наук (например физики). Так выбранная методика дает ему возможность постичь поставленную цель и получить адекватные ответы на поставленные для разрешения задач.

6. Характеристика и оценка диссертационного труда

Автор прослеживает историю философских и физических идей о времени, выясняя спор писателя с определенными философами и предлагая прочтение его творчества через современные идеи о времени. Среди больших европейских философов (и писателей), которые вдохновляются идеями достоевского, упомянуты Сартр и Камю, чьи имена стоят в подзаголовке наряду с именем Хайдеггера, но комментарий о них остается только в примечаниях (может быть по причине исследованности этих связей?). Оцениваю положительно дополнительную отсылку к труду Г. Каприева „Вечност, еон, време. Структури на времето и трансвремето във във византийската философия и тяхната система“ в представленном жури варианте диссертации. (В будущей публикации труда можно упомянуть и книгу Стояна Асенова „Бытие и отсутствие“, исследующую соотношение Время – Вечность.) Обращение к идеям точных наук (физики) о времени очень актуально, в последнее время этот подход оказывается очень плодотворным в литературоведении (имею ввиду книгу Р. Коларова

„Повторение и сотворение. Поэтика автотекстуальности“). Познания филолога в сфере физики достойны admirации!

К романам Достоевского часто обращаются философы, но, в отличие от них, Н. Нейчев не использует художественного текста только как базы философской интерпретации определенных проблем (инструментальное прочтение), а остается литературоведом / филологом, поскольку открывает идеи Достоевского о Хроносе, Кайросе, Вечности в самой поэтике писателя, обращаясь к языку, к знакам визуального, повествованию, художественному времени и художественному пространству. Автор ясно очерчивает свою исследовательскую цель: исследование времени как проблемы идеологического дискурса Достоевского, а не как нарратологической проблемы (чье значение однако он не отрицает).

В исследовании физического времени в творчестве Достоевского философский подход сочетается с лингвистическим. Опираясь на исследовательскую традицию (с которой он очень хорошо знаком), Н. Нейчев предлагает собственную исследовательскую стратегию к объекту исследования: лингво-статистический анализ временных маркеров в романах писателя. Раскрытие специфической для языка Достоевского семантики определенных ключевых слов на основе лингвостатистического анализа в последнее время утвердился в достоевковедении и приносит хорошие результаты в прочтении творчества писателя в ракурсе разных кодов. Раскрывая высокую частотность определенных временных маркеров в романах Достоевского – например наречия „вдруг“, Н. Нейчев снова не довольствуется уже сделанного другими исследователями до него (к их списку можно добавить и П. Бицилли), а прослеживает как меняется эта частотность в отдельных романах, ищет знаковость частотности всех временных маркеров в них и выясняет соотношение между маркерами „большого времени“, „малого времени“, времен года, прошлого, настоящего и будущего. При таком подходе особо важно сопоставление с творчеством других писателей – современников Достоевского (Толстого, Тургенева), выводы которого представлены в приложении. Думается, что сопоставление с романом Пруста „В поисках утраченного времени“ можно было бы развить в отдельном труде.

Особо проницателен анализ возраста персонажа как „самой важной доминанты его характеристики“, при чем открывается „сверхсмысл“ в маркировании возраста, особенно детства (замечу, что образ ребенка инвариантен в целостном творчестве Достоевского, не только в его философских романах). Целостный анализ человеческого возраста в поэтике Достоевского является одним из вкладов автора в достоевистику.

В исследовании Кайроса (во второй части труда) автор обращается к генезису понятия в древнегреческой философии, чтобы выяснить его христианский смысл: соотношение между „божьем временем“ и „человеческим временем“ (Хроносом). Культурно-исторический

подход автора мотивирует его экскурс в историю календаря: комментарий смены Юлианского с Григорианским (проблема, представленная, как мне кажется, слишком широко). На этой основе выявляется позиция Достоевского, при чем подсказывается ее авторитетность. Н. Нейчев указывает на ошибки в вычислениях дат в романах Достоевского и с удивительной кропотливостью корригирует эти ошибки, предлагая свои вычисления с оглядкой на старый стиль. Эта процедура не самоцельна – она подчинена идее превращения человеческой жизни в житие в художественном мире Достоевского. И в этом случае автор опирается на существующие прочтения, но идет дальше, открывая „сакрализацию профанного времени“ не только во время больших праздников, о которых существуют сигналы в тексте, но и „кайротизацию“ повседневного христианского календаря. Глубокое знание о житиях святых (соперничающее со знанием теолога) дает возможность Н. Нейчеву открыть новые, незамеченные до сих пор связи между сакральными текстами и романами Достоевского и таким образом проникнуть глубже в их смысл, открыть в них „скрытый христианский календарь“, осмысливая событие, происходящее с героем в определенный день, при помощи отсылки к житию святого, которого чтят в этот день. В так понимаемой структуре романов Достоевского различия между моделью жития и изображенным миром (между героем писателя и житийным героем) осмысливаются как действие принципа „от противного“, как нарушение героем житийного образца. Вывод об инвариантной житийной модели в романах Достоевского доутверждает тезис об их устойчивой структуре, существующий в литературоведении, но не только на уровне сюжета (каждый роман является вариантом инвариантного сюжета), но и на уровне художественного времени.

В третьей части, посвященной идее Вечности, поставлен вопрос о том как время взаимодействует с Вечностью. Возвращаясь к философским идеям о времени, Н. Нейчев выявляет специфическую концепцию Достоевского о времени, входящую в спор с ними: „движение возможно и в Вечности“ (таким образом эта концепция аксиологизирована). Художественное воплощение Вечности в романах Достоевского автор видит в словесной иконографии и, входя в спор с другими исследователями этого феномена, предлагает свою модель раскрытия присутствия иконы в тексте: не поиска экфрасиса, а улавливания в определенных сценах каждого романа присутствия нескольких „задолжительных параметров“. Автор демонстрирует и в этом случае способность систематизации материала и строгую научную логику. Присутствие „скрытой иконы“ в тексте романов Достоевского он открывает на основе иконографической колористики, при чем его вклад в исследовании проблемы выражается в использовании статистического подхода. Оригинальность концепции Достоевского подчеркнута и сравнением с идеями психологов (например Б. Берлина и П. Кея).

Благодаря своей эрудиции в сфере религиозной литературы, лингвистическим умениям и чутью к деталям, Н. Нейчеву удастся открыть незамеченные до сих пор связи между сценами в романах Достоевского и иконографическими сюжетами и прозреть в этих романах сигналы икон „Воскрешение Лазаря“ („Преступление и наказание“), „Преображение господне“ („Идиот“), „Исцеление гадаринского бесноватого“ („Бесы“), „Сретение господне“ („Подросток), „Канна Галилейска“ („Братья Карамазовы“).

7. Научный вклад и значение исследования для науки и практики

Впервые в науке о Достоевском его философские романы вписываются в настолько широкий философский и религиозный контекст, а также в контекст точных наук, и осуществляется настоящий интердисциплинарный анализ поэтики писателя. Труд обладает собственной теоретической концепцией и логически и композиционно выдержанной структурой. Учитывается исследовательская традиция, но отношение к ней критично, автор последовательно выясняет свой вклад в эту традицию.

8. Оценка публикаций по теме диссертационного труда

Н. Нейчев предлагает для процедуры пять своих студий, опубликованных в Болгарии и в России: о связях творчества Достоевского с идеями Киркегора и Ницше, о кайротизации времени в романе „Идиот“, о „скрытом календаре“ в романе „Подросток“ и об соотношении Кайроса с Хроносом в романе „Преступление и наказание“. Они являются частями представленной диссертации, поэтому не буду их оценивать отдельно. Скажу только, что все публикации Н. Нейчева занимают достойное место в научных изданиях, в которых они опубликованы, и не остаются незамеченными. Каждый литературовед, который пишет о Достоевском, не может не отсылать к ним, следовательно, они характеризуются высоким импакт-фактором.

9. Личное участие автора

Труд Н. Нейчева оригинален, он ясно очерчивает свое исследовательское поле и входит в спор со своими предшественниками.

10. Автореферат

Автореферат диссертации отвечает требованиям к этому жанру, он представляет в синтезированном виде (что очень трудно, имея ввиду объем текста) содержание труда, подчеркивает собственный вклад в исследовании проблемы и предлагает точные и убедительные выводы.

11. Критические замечания и рекомендации

Уже была речь о том, что анализ Н. Нейчева не оставляет читателя беспристрастным, порождает вопросы, провоцирует к спору. На некоторые вопросы автор отвечает адекватно после обсуждения труда на Кафедре русской филологии Пловдивского университета.

Он учитывает предложения некоторых участников обсуждения труда насчет возможных сокращений в части, представляющей философские и физические идеи о времени. Что касается включения физических идей о времени (например Хокинга), я не возражаю (напротив, как уже я упомянула, этот подход современного литературоведения плодотворен). Речь идет о другом: выяснить как именно прочитывается Достоевский через Хокинга, какие идеи физика „предвосхищаются“ Достоевским или входят в противоречие с художественной концепцией писателя?.

У меня остается вопрос и по поводу ассоциаций определенных романских сцен с конкретными жителями: не идет ли речь в некоторых случаях об устойчивых житийных мотивах? Иногда сам автор выражает сомнение в возможности и случайных совпадений, но в конечном счете отбрасывает это сомнение и остается верен своей идее. Можно возразить и на идею поиска „духа жития“, использования формулировки „чувствую это“ (поскольку это субъективная способность и не подлежит верификации). Добавлю, что сосредоточенность исключительно на религиозную идею (жития, иконография) игнорирует другие возможные прочтения определенных деталей и в некоторых случаях доводит до сверхинтерпретации (опасность чего ощущает и сам автор).

Другой мой вопрос касался интерпретации желтого цвета в романах Достоевского (особенно в „Преступлении и наказании“). Н. Нейчев отвечает на этот вопрос и в самом тексте отмечает амбивалентность этого цвета, хотя в конечном счете соотносит такую деталь как желтые обои с цветом иконы. Толкование этой детали как знак болезни, безумия и преступления (упомяну выражения „желтый билет“ и „желтый дом“) по мнению автора означало бы принятие теории среды и отрицание возможности воскрешения героя. Достоевский действительно отрицает социалистическую „теорию среды“, но как оправдание преступления, и утверждает свободный выбор человека (иначе сам Раскольников отвечает своей матери, что теснота и нищета его комнаты оказали воздействие на его состояние). Что касается символики цвета в иконографии, на которой строится концепция Н. Нейчева, упомяну, что он принимает предложение некоторых участников обсуждения труда на Кафедре включить цвет в созданный им комплекс критериев „ипостазирования Вечности“ в романах Достоевского (что наверно сделает при публикации исследования).

Скажу несколько слов о научном языке Н. Нейчева. Он характеризуется точностью литературоведческой терминологии, но и особенностями языка философского эссе, а иногда

сближается с религиозным дискурсом. Отсылки к православной литературе являются доминирующей тенденцией в науке о Достоевском (особенно в России), но в трудах Н. Нейчева такой подход (иногда напоминающий прежнее идеологическое цитирование) не связан с конъюнктурностью, а мотивирован чем-то глубоко для него сокровенным. Все таки меня смущает то, что научный дискурс в определенных фрагментах текста переходит в дискурс проповеди, что некоторые мифы и идеологемы русской идеи восприняты без дистанции. Сказанное не снижает научного уровня труда, а подсказывает возможность более широкой (не только чисто научной) полемики. Не можем однако требовать от автора отказаться от своих идей (своей концепции).

12. Личные впечатления

Труды Н. Нейчева никогда не оставляют читателя безразличным, они читаются с увлечением и провоцируют к дискуссии, что является ценностью каждого научного сочинения. Испытываю уважение к эрудиции исследователя, восхищаюсь его блестящим научным стилем!

13. Рекомендации для будущего использования результатов диссертации и ее научного вклада

Богатство идей в труде и объем охваченного материала может дать толчок к будущим исследованиям как самого автора, так и его дипломантов и докторантов. Отдельные фрагменты диссертации могут трансформироваться в спецкурсы для студентов разных специальностей (филологов, теологов, философов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационный труд содержит научные результаты, представляющие значимый вклад в науку о Достоевском и отвечает всем требованиям Закона о развитии академического состава республики Болгарии, Уставу о приложении этого Закона и Уставу ПУ „Паисий Хилендарский“. Представленные материалы не только полностью соответствуют минимальным национальным требованиям, принятым упомянутыми выше законами и уставами, но и превышают их.

Диссертационный труд демонстрирует глубокие теоретические познания Николая Михайлова Нейчева не только по его научной специальности (русской литературе), но также в сферах философии, теологии, физики, лингвистики. Его труд бесспорно оригинален и провокативен.

Имея ввиду сказанное, с полной убежденностью предлагаю уважаемому научному жури присудить научную степень „доктор филологических наук“ Николаю Михайлову Нейчеву в

области высшего образования Филология, профессиональное направление „русская литература“.

27.02.2023 г.

Рецензент: .....

(подпис)

проф. д.ф.н. Дечка Дечева Чавдарова

(ак. дл., н. ст., име, фамилия)